

taktischen Beziehungen besser zu verstehen.

Nehmen wir z. B. die Abgrenzung von Sondergruppen in der bisherigen Gruppe der indefiniten Pronomina. Es stellt sich heraus, daß man die dorthin eingeordneten Pronomina in 3 semantische Sondergruppen einteilen kann: in die distributive, quantoriale und numerale Gruppe (außerdem noch einige einzelne in die substitutive, komparative und possessivsuffixale Gruppe). Auch im Estnischen fällt die Klasse der indefiniten Pronomina durch ihre Mannigfaltigkeit auf. Man hat den Eindruck, daß hier alles zusammengefaßt wird, was von den übrigen Arten der Pronomina übriggeblieben ist. Daher wäre es vielleicht interessant, auch die Pronomina des Estnischen (oder diejenigen irgendeiner anderen finnisch-ugrischen Sprache) in R. Tuomikoskis Geiste zu zergliedern. (Infolge der Sprachverwandtschaft müßten hier offensichtlich viele Sachverhalte übereinstimmen.)

Selbstverständlich ist auch in R. Tuomikoskis Klassifikation bei weitem nicht alles klar umrissen und gruppierbar. Von der Verschwommenheit der Grenzen zwischen den distributiven und quantorialen Ausdrücken war schon im vorangehenden die Rede. In vielen anderen Fällen gehört ein und dasselbe Wort — je nach dem Kontext — bald der einen, bald der anderen Sondergruppe an. So ist z. B. *se* 'dieser' unter den deiktischen, substitutiven, komparativen und possessivsuffixalen Ausdrücken zu finden, die Wörter *kuka* 'wer', *ken* id., *mikä* 'was' und *kumpi* 'welcher von beiden' kommen als relative, interrogative, konzessive und distributive Pronomina vor usw. usf. Wo ist hier das unterscheidende

Merkmal? Ob wir stets auch unterscheiden können, ist natürlich noch eine Frage an sich. Doch in der Sprache ist es nun mal so, daß wir mit einem festen Kastensystem nicht messen können. In einigen Fällen hätte es der Forschungsarbeit zum Vorteil gereicht, wenn man bei der Einteilung der Pronominalausdrücke schärfer hervorgehoben hätte, mit welchen Gruppen der Pronomina der traditionellen Grammatik sie das eine und das andere Mal in Berührung stehen.

Einem estnischen Forscher der Pronomina könnte die Behandlung des Wortes *itse* 'selber, selbst' von Interesse sein. Bei einem solchen Gebrauch von *ise* wie z. B. *Mina ise ei tule sellega toime* 'Ich selbst komme damit nicht zurecht', *Peremees ise vehkis ka tööd teha* 'Der Wirt arbeitete selber auch schwer' hat man bei uns *ise* als determinatives Pronomen aufgefaßt. Nach R. Tuomikoskis Ansicht sind die analogen finnischen Fälle des Gebrauchs von *itse* sei eher ein akzentuierendes Wort und stehe somit den Modaladverbien nahe (vgl. das deutsche *selbst*).

Die Forschungsarbeit bietet auch vom Standpunkt der Entwicklung der Konjunktionen aus viel Interessantes (so z. B. der Abschnitt über die substitutiven Ausdrücke).

Alles in allem — Risto Tuomikoskis Abhandlung regt auch die estnischen Pronomenforscher zum Grübeln an. Die in der Arbeit dargelegten Klassifizierungsgrundlagen sind aber auch in der Finno-ugristik ernstlich weitgehend zu berücksichtigen.

RUDOLF KARELSON (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1971.4.13>

Symposium über Syntax der uralischen Sprachen. 15.—18. Juli 1969 in Reinhausen bei Göttingen. Im Auftrage der Akademie in Göttingen herausgegeben von Wolfgang Schlachter, Göttingen 1970. 232 стр.

15—18 июля 1969 года Академией наук Гёттингена (ФРГ) был проведен симпозиум по синтаксису уральских языков. Помимо немецких языковедов, в нем участвовали финно-угроведы Венгрии, Финляндии, Швеции.

На симпозиуме было заслушано 17 докладов по различным вопросам синтаксиса уральских языков. Направление проведенной работы нагляднее всего показывает список обсуждавшихся тем: К способу выражения средства с помощью

падежей, отвечающих на вопрос *куда?* в марийском языке (А. Алхониemi — А. Alhoniemi, Турку), К образованию старейших уральских синтагматических связей (Я. Балаж — J. Balázs, Будапешт—Рим), К вопросу об уральских *Nomenverba* в свете истории венгерского языка (Л. Бенкё — L. Benkő, Будапешт), Вспомогательный глагол в предикативных связях селькупского языка (Дь. Дечи — Gy. Décsy, Гамбург), Способы описания структуры простого предложения в хантыйском языке (Г. Ганшов — G. Ganschow, Мюнхен), Актив, эргатив и пассив в вавском диалекте хантыйского языка (Я. Гуя — J. Gulya, Будапешт), К синтаксису отрицательных глагольных форм в самодийских языках (П. Хайду — P. Hajdú, Сегед), Подготовительные работы к машинному синтаксическому анализу говоров финского языка (О. Икола — O. Ikola, Турку), О номинализации предложения в марийском языке (Э. Кангасмаа-Минн — E. Kangasmaa-Minn, Турку), Связь между грамматической синонимикой и семантикой (Замечания к сравнительному изучению падежей. С примерами из финно-угорских языков) (Ш. Карой — S. Károly, Будапешт), Выражение неопределенного субъекта в активном предложении саамского языка (М. Корхонен — M. Korhonen, Хельсинки), Русские влияния на синтаксис коми-пермяцкого языка (О явлениях интерференции у глаголов) (К. Редей — K. Rédei, Будапешт), Об оппозиции синтетических и аналитических конструкций в финском языке (П. Саукконен — P. Saukkonen, Оулу), Система времен в саамском языке (В. Шлахтер — W. Schlachter, Гёттинген), Проблемы финно-угорского спряжения (П. Сиро — P. Siro, Тампере), Безличность в коми-зырянском языке (Г. И. Штила — G. I. Stira, Гёттинген—Хельсинки), Об употреблении объектного спряжения (Б. Викман — B. Wickman, Упсала).

Этот перечень свидетельствует о том, что на симпозиуме обсуждались кардинальные проблемы синтаксиса уральских языков. Во многих докладах обосновывались новые гипотезы, относящиеся, в частности, к генезису той или иной синтаксической категории. Не случайно, что вокруг них развевались оживленные

превращения. Несколько докладов было посвящено синтаксису самодийских языков. К ним относятся доклады П. Хайду, Дь. Дечи, Б. Викмана. Кроме того, в содокладах и во время прений привлекались данные этих языков, в первую очередь ненецкого.

Невозможно, хотя бы кратко, проанализировать каждый доклад. Чтобы дать приблизительное представление о характере обсуждавшихся проблем, остановимся лишь на некоторых из них.

Так, после тщательного изучения уральских *Nomenverba* Л. Бенкё считает, что существующий термин, в частности для современного венгерского языка, является в известной мере анахронизмом. Вполне допуская возможность дальнейших исследований и обсуждений этой темы, он высказывает соображение, что значительная часть старых венгерских имен и глаголов, вероятно, никогда не была *Nomenverba*. Это мнение на симпозиуме по существу не встретило возражений.

Рассматривая именные предикативные формы селькупского языка, Дь. Дечи приходит к выводу, что предикативные форманты именного сказуемого в этом языке представляют собой новое явление. Для других самодийских и для мордовских языков он считает очень вероятным такое развитие: вспомогательный глагол → предикативные окончания. Для селькупского же языка подобный ход вещей, по его словам, доказан. Оба содокладчика высказали по этому вопросу другие взгляды. По мнению П. Хайду, предикативные суффиксы имен являются, напротив, одной из очень старых черт всех самодийских языков (включая и селькупский). Он привел ряд возражений против гипотезы о том, что предикативные формы имен возникли из слияния имени с финитными формами вспомогательного глагола. К. Редей считает обоснование подобного предположения связанным со многими трудностями, в частности фонетического характера.

При исследовании синтаксиса отрицательных глагольных форм самодийских языков П. Хайду высказывает заключение, что положительные и отрицательные связочные формы могут быть объяснены как происходящие из общего корня. При этом он ссылается на Б. Коллиндера,

высказавшего предположение о возможной связи отрицательных и положительных вспомогательных глаголов в уральских языках. Б. Викман в целом находит положения доклада ясными и убедительными. По мнению Дь. Дечи, вспомогательный отрицательный глагол есть не что иное как отрицательная частица, снабженная глагольными окончаниями.

В. Шлахтер подробно характеризует весьма сложную систему времен в саамском языке, близкую к системе времен германских языков. М. Корхонен, соглашаясь с положениями доклада, подчеркивает единообразие системы времен финского и саамского языков, отличающейся от других финно-угорских языков, но свидетельствующей о связях с германскими языками. С его точки зрения, анализ, проведенный В. Шлахтером, открывает интересные перспективы для этого круга вопросов. Б. Викман указывает, что комментируемые примеры приводятся В. Шлахтером из собранных им материалов лесного диалекта саамского языка Швеции. Особенно важно определить различие функций Imperfekt и Perfekt при обозначении прошлого. По мнению содокладчика, это различие в саамском такое же, как в финском и шведском. О. Икола высказывает соображение, что система времен саамского языка оказалась, вероятно, под влиянием норвежского.

Г. И. Штипа в дополнение к ранее изданной работе анализирует некоторые типы безличных предложений в коми языке. При этом он проводит различие между такими понятиями как Impersonalia и Subjektlose Sätze. В первом случае стоит логический субъект в аккумулятиве, дативе или генитиве. Относящиеся сюда типы предложений он включает в шесть групп. К. Реден считает, что четыре из приведенных групп предложений возникли под влиянием русского языка. Положение это он соответствующим образом аргументирует. Э. Кангасмаа-Минн подробно останавливается на одночленных именных предложениях, проводит аналогии с марийским языком.

Б. Викман в докладе об употреблении объектного (по нашей терминологии, субъектно-объектного) спряжения крити-

чески рассматривает имеющиеся в самодийской точке зрения на этот вопрос. Он высказывает ряд существенных замечаний и соображений, в частности о причинах влияния порядка слов в предложении на оформление переходного глагола. Г. Ганшов освещает положение дел с объектным спряжением у шеркальских ханты. Согласно П. Саукконену, в субъектном спряжении выступает аналитический характер построения более отчетливо, чем в объектном. Как и следовало ожидать, субъектное спряжение употребляется в том случае, когда объект имеет логическое ударение.

Для успешной работы симпозиума было определено, что каждому участнику, помимо доклада, следует взять на себя два содоклада. Учитывалось также, что соображения, которые могли быть сделаны в результате специального предварительного ознакомления с рукописью, представляют интерес для всех присутствующих. Таким образом, по каждому докладу делались содоклады и проводились прения. При этом в содокладах обсуждавались нередко иные точки зрения на обсуждаемый вопрос, и тем самым осуществлялся элемент дискуссии, широкого обмена мнениями, что продолжалось в приватном порядке и в перерывах между заседаниями. Благодаря такой организации работы симпозиума, поставленные на нем проблемы рассматривались широко и многосторонне. Думается, что для небольших по количеству участников симпозиумов и семинаров такая форма работы наиболее эффективна.

Вполне вероятно, что обсуждения ряда докладов можно было бы продолжить с пользой для дела, в частности при участии уралистов Советского Союза. Можно соглашаться или не соглашаться с положениями и выводами отдельных докладов и содокладов, но не вызывает сомнения, что изданные В. Шлахтером по поручению Гёттингенской академии наук исследования вызовут большой интерес среди уралистов и будут способствовать дальнейшему изучению синтаксической структуры уральских языков.

Н. М. ТЕРЕЩЕНКО (Ленинград)